

В России инновациями занимаются только сумасшедшие – стр.4
Предпринимательский класс в России есть! – стр.15
Мы покупаем то, что и так «принадлежит» нам – стр.18

ТЕМА НОМЕРА

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА РОССИИ

В любом деле очень высока роль лидера

**Ирина Дежина — заведующая сектором
ИМЭМО РАН**

Что такое инновационная система и насколько в России удастся ее реализовать? Кажется бы, набор институтов уже есть, все, что можно было, мы заимствовали... А все жалуются, что что-то не работает. Почему?

Потому, что главное в инновационной системе — именно слово «система». А раз система, значит должна быть взаимосвязь. А у нас, как вы правильно сказали, все элементы есть, но они не связаны. Вы, наверное, слышали про развитие теории инновационных систем, про «тройную спираль». Это взаимоотношения государства, науки и бизнеса — трех основных акторов. Причем под наукой в первую очередь понимаются университеты. Значит, здесь есть еще и привязка к образованию, к кадрам для инновационной экономики. Они не только взаимодействуют, причем по горизонтали (там нет ведущей роли государства), но еще и усваивают функции друг друга, то есть бизнес начинает больше заниматься образовательной деятельностью, университеты — предпринимательской, включаясь в инновационную деятельность, создавая малые компании. Государство начинает все больше тяготеть к использованию инструмента государственно-частного партнерства.

Все эти изменения — признаки того, что выстраиваются все более тесные взаимосвязи. И когда есть такая взаимозависимость, она реализуется посредством множества мелких агентов. Это не только малый биз-

нес, но также и различные консалтинговые, сервисные службы, технопарки. То есть, взаимодействие происходит по самым разным направлениям и на разных этапах. Работает инновационный лифт. Хотя и эта схема уже устарела...

Что значит «инновационный лифт»?

«Инновационный лифт» — сейчас один из любимых терминов в правительственных структурах, идея, согласно которой на каждом этапе ее развития (фундаментальных и прикладных исследований, разработки, коммерциализации) должны быть институты и структуры, которые осуществляют поддержку. И таким образом проект или идея движутся от начала и до конца. Но ведь инновационные идеи могут возникнуть на любом этапе, это уже нелинейная модель. А здесь заложена линейная модель, как и в проекте «Сколково» — там тоже заложена линейная модель. Кстати, западные аналитики Сколково за это критикуют: если почитать мандат Сколково, то там просматривается именно линейное видение инновационной системы.

А в чем нелинейность?

Нелинейность в том, что, скажем, идея может возникнуть тогда, когда вы делаете опытный образец. А также то, что фундаментальные исследования совершенно необязательно приведут даже к прикладным исследованиям — это уже стало общим местом. Новые знания создаются не только для их коммерциализации, а для развития общества в целом — в том числе в области образования, культуры. А в практическом смысле они могут и не пригодиться.

Возвращаюсь к теме инновационной системы: у нас действительно много всего создано, но почти нет связей. Говоря образно, это похоже на долгострой, когда строили и не достроили. Вроде дом есть, а с другой стороны — в нем никто жить не может, потому что крыша недоделана или еще что. Почему так произошло?

Во-первых, в правительстве начинают что-то делать и вскоре «остывают» и бросают. Вспомните, было движение за создание центров трансфера технологий в университетах и в регионах. Поддерживали год, два, три, потом успокоились и перестали. Технопарки то же самое, потом к идее вернулись — так появились IT-парки. В итоге получается недоделано, недостроено, не доведено до конца. Если брать западный опыт, там период

поддержки таких инфраструктурных проектов составлял около десяти лет. Дальше тоже можно претендовать на поддержку, просто условия ее предоставления будут более сложными. Согласно проводимой, например, в США политике, для того чтобы продолжить получать средства на инфраструктуру, нужно придумывать что-то новое и убедительно это обосновывать. У нас же это все как мода: два года назад никто не говорил о техплатформах, хотя те, кто следит за западным опытом, были в курсе. А потом как снег на голову все это появилось, и теперь у нас повсеместно «вступают» в техплатформы. А до того было увлечение техрегулированием и т. д.

Во-вторых, элементы инновационной системы создавались достаточно спонтанно. Стратегий-то у нас много, но мне кажется, что в эти стратегии заглядывают в основном в тот момент, когда их надо пересматривать и «продлять» на следующий период. В принципе это оправданно, если почитать наши стратегии, это очень обширный список разных мероприятий. По крайней мере, это касается тех разделов, которые смотрю я, — по науке и инновациям. При этом мероприятия нередко планируются вне связи друг с другом. Например, не всегда можно понять, какой предполагается связь между наукой и бизнесом. Эти вещи не продумываются. Мы должны понимать, что если мы делаем одно, то это определенным образом влияет на второе, и, может быть, нужно что-то где-то скорректировать. Тогда, возможно, появятся какие-то связи.

Замечу еще, что в этих стратегиях наука отделена от всего — это какой-то непонятный сектор генерации знаний. Его даже порой не рассматривают как часть инновационной системы. Можно только догадываться, что наука как-то связана с инновационной системой. Посмотрите стратегию инновационного развития до 2020 года — там же «эффективная наука» как бы сама по себе, а когда говорится про инновации, инновационное развитие, то наука не упоминается. По-моему, там вскользь затрагиваются только университеты, потому что их сейчас хотят увязать с бизнесом.

Можно сказать, что единственный успешный пример заимствования, это когда в самом начале 1990-х создали РФФИ, РГНФ, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (так называемый Фонд Бортника)

Или вспомним разговор об особых экономических зонах. Было много шума насчет этих зон и вдруг — раз, и все прекратилось.

Я тогда начинала про них писать, и мне было интересно, чем дело кончится. Я искала публикации, но там было мало информации. Обычно это была просто констатация факта, что столько-то площадей введено в строй, число резидентов и другие нужные, но недостаточные сведения. Тогда я обратилась в Министерство экономического развития, потому что при них было когда-то самостоятельное агентство, которое этим занималось (потом его ликвидировали). Но если было

целое агентство, значит какая-то информация должна была собираться. Оказалось, что сведения собирались, но на их основе сложно делать содержательные выводы. То есть нельзя понять, что там на самом деле происходит. Есть данные о численности резидентов, некие сведения о выпуске продукции. Причем много это или мало — не очень понятно. Кроме питерской, я была во всех зонах, и зрелище какое-то печальное.

В Томске, может быть, получилось.

В Томске две площадки, я была на одной. Особенно запомнился пугающий своей пустынной таможенный терминал. Здание красивое, но дорога к этому месту плохая — то есть возвращаемся к вопросу об инфраструктуре. А если вы посмотрите интервью руководителей зоны, то узнаете о том, что там все хорошо, строительство будет завершено, и прочие обнадеживающие планы.

А может быть выход не в том, чтобы воспроизводить чужой опыт, а ориентироваться на свой? Приведу два примера. Есть Нижегородский институт прикладной физики, который вокруг себя вырастил целый «куст» инновационных предприятий и влияет фактически на всю науку, образование и инновации в регионе. А в Томске многие вещи происходят вокруг ТУСУР (Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники). Может быть, надо опираться на подобные центры, выискивать их и помогать им? Может, тогда вырастет своя инновационная система?

Я согласна, что у нас есть подобные островки, где встречаются наши собственные находки. На мой взгляд, это совершенно верный подход. И важно, что это успешные отечественные практики, которые появились с учетом всей нашей системы экономического регулирования. Значит, они как-то приспособились, и нужно понять, почему им это удалось. Ведь мы же знаем, что они успешны. Но нужно детально разобраться, в чем их успех. А может быть, им просто повезло? Может быть,

это какое-то счастливое стечение обстоятельств? Или дело в харизме лидера, который смог как-то организовать процесс, придумать особые подходы? Если так, то их надо распространять, потому что заимствования почти все неудачные.

Можно сказать, что единственный успешный пример заимствования, это когда в самом начале 1990-х создали РФФИ, РГНФ, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (так называемый Фонд Бортника). Мне кажется, что причина

удачи в том, что тогда у нас еще не сформировалась система экономического регулирования — все только строилось. И можно было вводить какую угодно схему. А сейчас мы заимствуем, но это же накладывается на определенную систему. У нас есть закон о госзакупках, иммиграционная, таможенная политика, валютный контроль и многое другое. И подчас оказывается, что в нашей системе регулирования заимствуемый элемент либо не может работать, либо трансформируется до такой степени, что теряет сходство с оригиналом.

И я считаю, что у нас на данном этапе в любом деле очень высока роль лидера. Видимо, так обстоит дело

на начальном этапе любого развития. Возьмем пример — США. Как Ванневар Буш предложил создать Национальный научный фонд? Правительство поручило ему подготовить доклад о том, что нужно сделать, чтобы развивать науку после войны. И он вместе с группой экспертов придумал, что нужен фонд, который будет давать гранты, что нужна инициатива снизу, от ученых, что должна быть оценка проектов самим же научным сообществом. Он считал, что наука дает бесконечный горизонт развитию (его доклад так и назывался «Наука: бесконечные горизонты» — Science: The Endless Frontier). А будь на его месте кто-то другой, может быть, ничего бы этого и не было. Все зависит от людей.

Президент Лазерной ассоциации Иван Ковш, который смог объединить вокруг ассоциации практически всю лазерную отрасль России, говорит, что в Европе инноваторам значительно проще сотрудничать с властями и на национальном, и на европейском уровнях. Там можно четко провести линию от инноватора к власти и понять, как все будут взаимодействовать. В то время как у нас, по его словам, приходится взаимодействовать сразу с пятью министерствами. Не усложнено ли у нас все?

Вы выходите сразу на две темы. Во-первых, тот факт, что таких ассоциаций, как Лазерная, у нас мало, говорит о том, что у нас отсутствуют элементы гражданского общества в науке. В науке оно тоже должно быть, а у нас его нет.

А второй момент — это то, о чем вы уже упоминали, — у нас действительно слишком много ведомств, и даже

Они пытаются отобрать лучшее и лучших, как-то их подготовить, молодых — привлечь к ведению бизнеса. Не знаю, что из этого получится. Меня немного смущает, что там все разбито на кластеры.

Основные направления?

В принципе это пять приоритетных направлений, которые обозначил Президент Дмитрий Медведев. Но проблема в том, что сегодня это может быть приоритетом, а через два года окажется, что это больше не приоритет.

Кроме того, некоторые приоритеты не укладываются в рамки Сколково.

Да, например, космический. И все это несколько политизировано. На сайте Совета по науке, технологиям и образованию был опубликован проект основ политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. Там, например, в одном из разделов говорится о том, что, как и раньше, фокус должен быть на приоритетных направлениях. Дальше поясняется то, что понимается под приоритетами, какие направления. И там нет этих пяти направлений. Там говорится о восьми приоритетах, то есть о тех, которые на государственном уровне примерно раз в пять лет пересматриваются и утверждаются. Там говорится про «живые системы», наносистемы, безопасность и противодействие терроризму и т. д. — в общем, про восемь приоритетных направлений, которые детализируются в 27 критических технологиях. И есть еще другой список приоритетов — это направления фундаментальных исследований, который разрабатывается РАН. Получается, то ли президентские пять направлений не включили, то ли каким-то образом про них забыли, но, может быть, еще включают.

Поэтому я и говорю о кластерах Сколково — зачем разбивать эту систему по приоритетам, которые, может быть, после выборов уже сменятся на другие? Мне кажется, что эта кластерная идея экономически неоправданна.

Другой вопрос — как эти пять направлений были выбраны? Хотя они, может быть, и правильные. По крайней мере,

этот список мне нравится больше, чем тот, что состоит из восьми пунктов. Я понимаю, какой резон стоит за каждым из пяти. А второй список — там, с одной стороны, науки о жизни, то есть сам термин почти сугубо научный, с другой — индустрия наносистем. Но ведь нанотехнологии могут быть и в науках о жизни, и в других науках. Это же метод. Или, например, другой приоритет — безопасность и противодействие терроризму — это не направление, а задача. Она может решаться, например, с помощью ИКТ, развития транспортных систем и т. д. Разработки в этих областях могут решать задачи обеспечения безопасности и противодействия терроризму. Приоритет этот возник, когда была волна терактов. Так что в списке восьми приоритетов есть как направления исследований, так и конкретно сформулированные задачи. В разных терминах нельзя делать список приоритетов.

Сколково слишком маленькое, чтобы задать тон всей стране. Но мне кажется, что при хорошем раскладе Сколково может быть моделью для отработки механизмов, которые можно было бы распространить на всю страну

порой внутри ведомств непонятно, кто какие функции выполняет. В любой стране много ведомств, и там тоже не одно ведомство отвечает, скажем, за инновации. Но есть органы межведомственной координации. А у нас они либо не работают, либо работают плохо.

Как вы считаете, Сколково сможет стать центром инновационной системы, который будет задавать тон игры?

Сколково слишком маленькое, чтобы задать тон всей стране. Но мне кажется, что при хорошем раскладе Сколково может быть моделью для отработки механизмов, которые можно было бы распространить на всю страну. Но это не идеальная модель, потому что это все-таки закрытая система. Мы сейчас пока не знаем, будут ли там эффективно работать вводимые процедуры, методы финансирования или поощрения. Все это только начинается. По-моему, в области финансирования проектов они сейчас пошли по пути поиска того, что есть внутри страны.